

ОДИН ШАГ ДО...

НИНА ЛАНГ

Нина Ланг

Один шаг до..

<https://litres.ru/74685253>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого есть прошлое, которое хочется изменить.

Один не сделанный выбор. Один роковой день. Одни слова, которые так и не были произнесены.

Тая никогда не думала, что однажды сможет узнать, какой была бы её жизнь, поступи она иначе.

Одна комната.

Три двери.

Три возможности.

И всего один шаг до жизни, о которой она когда-то мечтала.

Нина Ланг

Один шаг до..

Глава 1

Глава 1

Если бы мне кто-нибудь сказал, что однажды я окажусь перед тремя дверями, за каждой из которых скрывается моя собственная жизнь, я бы только рассмеялась.

Но теперь они стояли передо мной.

Три двери. Три возможности изменить прошлое.

И кто знает, что ждёт меня за каждой из них? Новое будущее? Или настоящее, которое я когда-то упустила?

Я часто слышала, что в сорок лет жизнь только начинается.

Раньше эта фраза казалась мне вполне разумной. Но до моего сорокалетия оставалось совсем немного, а начинать, по правде говоря, было особенно нечего.

Иногда я пыталась вспомнить, когда всё пошло не так. Возвращалась мыслями на двадцать лет назад, к решениям, которые тогда казались единственно правильными.

Интересно, была бы я сейчас счастливее, если бы поступила иначе?

Впрочем, какая разница.

Прошлого всё равно не изменить.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от сотен предыдущих.

За окном висело низкое серое небо. Весна уже вступила в свои права, но солнце, похоже, об этом ещё не знало.

На кухне было тихо. Я включила чайник и машинально взглянула на часы. До выхода оставалось достаточно времени, если, конечно, Тимофей соизволит подняться с первого этажа.

За годы брака я привыкла начинать день не с собственных планов, а с заботы о том, чтобы муж вовремя выбрался из постели.

Пора было его будить.

Если Тимофей снова опоздает, бригадир наверняка сдержит обещание и уволит его. Предупреждал уже не раз, и я прекрасно понимала, что его терпение не бесконечно.

Как же мне всё это надоело...

В спальне меня ждала привычная картина. Тимофей опять уснул в одежде, развалившись поперёк кровати. Одна нога свешивалась с матраса, другая лежала поверх сбившегося одеяла.

— Тимофей, вставай. Тебе на работу пора.

Я потрясла его за плечо. Он что-то невнятно пробормотал и отвернулся к стене.

— Тимофей, ты слышишь меня?

— Да слышу я... Отстань.

Он даже не открыл глаз.

— Всё, больше будить тебя не собираюсь. Уволят — ну и чёрт с тобой!

Я вышла из спальни, хлопнув дверью.

На кухне меня ждал чай. Я откусила кусочек бутерброда и прислушалась.

Тишина.

Ну и пусть спит! Взрослый мужик, в конце концов. Почему я должна каждое утро следить, чтобы он вовремя поднялся и добрался до работы?

А если его действительно уволят?

Я слишком хорошо знала, что последует дальше. Поиски новой работы, обещания больше не опаздывать, уверения, что теперь всё будет иначе. И неизвестно сколько недель, а то и месяцев, когда все расходы снова окажутся на мне.

Хотя почему снова? По большому счёту, они и сейчас были на мне.

Нет уж. На этот раз пусть сам разбирается.

Я попыталась вернуться к завтраку, но кусок в горло не лез.

А если он всё-таки не встанет? Ведь опять уволят.

Да что ж такое!

— Тимофей! — крикнула я из коридора. — Ты вставать сегодня собираешься?!

Ответа не последовало.

Ну конечно.

Когда я снова вошла в спальню, Тимофей лежал почти в той же позе.

— Тимофей, ну сколько можно?! Вставай уже! Тебя же уволят!

Он наконец сел на край кровати, обхватив голову ладонями.

— Господи, чего ты кричишь с утра? — поморщился он.
— И без тебя голова раскалывается.

— А ты думаешь, мне нравится тебя каждое утро поднимать?

— Да встаю я. Не начинай.

Он с трудом поднялся и пошёл в ванную.

Я осталась стоять посреди спальни.

Всё. Встал. Свою утреннюю обязанность я выполнила.

Когда я вернулась на кухню, чай окончательно остыл, а завтрак так и остался почти нетронутым.

Взглянув на часы, я поняла, что теперь опаздываю сама.
Замечательно.

И ведь завтра всё повторится.

Прямо день сурка какой-то!

Уже на улице вспомнила, что оставила зонт в прихожей.

На секунду остановилась, раздумывая, не вернуться ли.

Но до автобуса оставалось совсем немного, а опаздывать из-за какого-то зонта не хотелось. В конце концов, на работе меня ждала сухая сменная одежда.

Сначала на асфальт упали несколько крупных капель. Че-

рез минуту дождь уже хлестал вовсю.

Я прибавила шагу, стараясь обходить лужи, но вскоре поняла, что это бессмысленно. Вода стекала с волос за воротник, куртка стремительно намокала, а проезжающая машина окатила меня брызгами из очередной лужи.

— Да чтоб тебя! — вырвалось у меня вслед автомобилю. Остановка была совсем близко.

Я почти бежала, придерживая сумку одной рукой и тщетно пытаясь другой прикрыть голову от дождя.

К остановке я подбежала как раз в тот момент, когда подъехал автобус.

В салоне было несколько свободных мест, но садиться совершенно не хотелось. С меня буквально текло, а намочить и без того потрёпанную обивку сидений казалось уже каким-то окончательным свинством с моей стороны.

Я ухватила за поручень и попыталась убрать с лица мокрые волосы.

Из динамиков донеслось знакомое:

«Она хотела бы жить на Манхэттене...»

А ведь я тоже когда-то хотела... И необязательно на Манхэттене. Хотя почему бы и нет?

В двадцать лет мне казалось, что впереди столько возможностей, что хватит на несколько жизней. Можно было мечтать о чём угодно, строить самые невероятные планы и искренне верить, что всё обязательно сбудется.

Интересно, в какой момент все эти возможности превра-

тились в бесконечное «надо»?

Надо вставать. Надо работать. Надо будить Тимофея. Надо следить, чтобы его снова не уволили...

Автобус так резко затормозил, что меня швырнуло вперёд. Я едва успела перехватить поручень, чудом не налетев на стоявшего рядом мужчину. Сумка больно ударила по бедру.

— Да что ж за день-то такой! — пробормотала я.

Мужчина покосился на меня, но ничего не сказал.

Я поправила сумку и с досадой посмотрела на пустое сиденье.

Вот ведь. Решила пожалеть обивку, а сама чуть не растянулась посреди автобуса.

Ладно, с Манхэттенем пока повременим. Мне бы хотя бы до работы добраться в целости и сохранности.

Рядом стояла молоденькая девушка, которая то и дело поглядывала на своё отражение в тёмном экране телефона. После очередного взгляда она достала из сумочки салфетку и принялась осторожно промокать кожу под глазами.

Чёрная тушь растеклась по щекам, оставив вокруг глаз тёмные разводы. Бедняжка стала похожа на панду.

И впервые за утро искренне порадовалась, что сегодня не успела накраситься.

Хоть в чём-то повезло.

Когда автобус наконец подъехал к моей остановке, я испытала настоящее облегчение.

Дождь по-прежнему лил, но теперь меня это мало волновало. Всё, что могло промокнуть, давно промокло.

Знакомый звон колокольчика над дверью встретил меня, едва я переступила порог цветочного магазина.

Ну здравствуй, мой хороший. Хотя ты сегодня мне рад.

Внутри пахло свежей зеленью, влажными стеблями и цветами. После утренней беготни, промокшей одежды и переполненного автобуса этот запах показался особенно приятным.

Здесь всё было знакомым, понятным и каким-то правильным. Я любила свою работу, даже если порой уставала от неё не меньше, чем от всего остального.

Взглянула на часы.

Без пяти девять.

Успела.

В подсобке я наконец избавилась от мокрой куртки. С рукавов на пол натекла небольшая лужица, джинсы неприятно липли к ногам, а волосы выглядели так, словно я только что вылезла из-под душа.

— Красотка, ничего не скажешь, — сообщила я своему отражению в маленьком зеркале над раковиной.

Хорошо, что хоть сменную одежду догадалась оставить на работе.

Спустя десять минут я уже чувствовала себя человеком. Сухая футболка, удобные брюки, волосы собраны в пучок. Правда, с причёской можно было бы и постараться, но сего-

дня я решила не придирааться к мелочам.

Теперь можно было заняться цветами.

Я открыла холодильную витрину и придирчиво осмотрела розы, которые ещё вчера собиралась привести в порядок. Несколько бутонов выглядели так, будто тоже пережили не самое удачное утро.

— Ну что, девочки, приводим себя в чувство? — пробормотала я, принимаясь за работу.

С розами пришлось немного повозиться. Зато вскоре они уже стояли в чистой воде, свежие и аккуратные, словно никаких проблем у них отродясь не бывало.

Вот за что я любила свою работу. Здесь от моих усилий действительно был результат. Если цветку не хватало воды, я могла это исправить. Если букет выглядел неудачно — переделать.

За работой мысли о Тимофее постепенно отступили.

О том, что магазин уже открыт, мне напомнил звон дверного колокольчика.

— Доброе утро! — сказала я, поднимая голову.

Передо мной стояла женщина лет пятидесяти, в светлом плаще.

— Ой, какая у вас красота! А я думала, сейчас после этого ливня вообще никуда не доберусь.

— Я тоже так думала, — улыбнулась я. — Но, как видите, добрались обе.

Женщина засмеялась.

— Мне бы букетик. Для мамы. У неё сегодня день рождения.

— Какие цветы она любит?

— Ой, да она всё любит. Только розы не надо. Говорит, они слишком официальные.

— Тогда давайте что-нибудь понежнее.

Я показала ей несколько вариантов, но женщина всё сомневалась.

— Знаете, она у меня такая... Ей восемьдесят два сегодня. А всё говорит, чтобы мы деньги на цветы не тратили. Лучше, говорит, пирожков привезите.

— А вы и пирожки, и цветы?

— Именно! — довольно ответила она. — Пусть поворчит.

— Тогда я бы предложила вот эти кустовые хризантемы. Добавим немного эустомы, зелени совсем чуть-чуть. Получится нежно, но не слишком торжественно.

— Давайте. Я вам доверяю.

Я принялась собирать букет.

Женщина стояла рядом и рассказывала, что мама живёт в старом доме, категорически отказывается переезжать к детям и до сих пор каждую весну сама высаживает цветы под окнами.

— Мы ей говорим: мам, ну зачем тебе это? Спина же болит. А она отвечает: «А что мне теперь, лежать и смерти дожидаться?»

Женщина снова рассмеялась.

Я улыбнулась в ответ, но слова покупательницы напомнили мне о маме.

Она тоже очень любила цветы.

Перед глазами возникла наша старая кухня. Мама часто приносила с прогулки самые обыкновенные полевые ромашки и ставила их на подоконник в высокий стеклянный стакан со сколотым краем.

Мы с папой однажды даже подарили ей красивую вазу. Я сама выбирала её в магазине, представляя, как замечательно в ней будут смотреться мамины ромашки.

Мама искренне обрадовалась, расцеловала нас обоих и поставила подарок на самое видное место. А на следующий день ромашки снова красовались в старом стакане.

— Мам, а ваза? — не выдержала я.

— Так она же для больших букетов! — объяснила мама.

— А мои ромашки в ней потеряются. Им в стакане уютнее.

— Мам, да у него же край отколот!

— А нам с ромашками всё равно! — весело отмахнулась она.

Папа тогда только головой покачал.

А спустя несколько дней всё-таки спрятал стакан на верхнюю полку кухонного шкафа.

Не тут-то было.

Уже к вечеру стакан снова стоял на подоконнике, а мама с совершенно невинным видом поправляла в нём ромашки.

— Представляешь, — сказала она папе, — нашёлся!

Отец посмотрел на меня, я на него, и мы оба благоразумно промолчали.

Интересно, куда потом делся тот стакан? Я ведь даже не помню, когда видела его в последний раз.

— Вот так, пожалуй, будет лучше, — произнесла я, поправляя выбившуюся из букета веточку.

— Какая прелесть! — Женщина полюбовалась букетом.
— Мама будет довольна.

— Надеюсь.

Пока я заворачивала цветы в бумагу, покупательница достала телефон.

— Сейчас ещё дочке фотографию отправлю. Пусть посмотрит, что мы бабушке выбрали.

Я передала ей готовый букет.

— Передавайте маме поздравления.

— Обязательно. Спасибо вам большое!

Колокольчик над дверью весело звякнул, словно тоже решил попрощаться с покупательницей.

Я проводила женщину взглядом и ещё некоторое время смотрела на закрывшуюся дверь.

Восемьдесят два.

Моей маме сейчас могло бы быть...

Я мысленно прибавила двадцать лет к её возрасту и тут же пожалела, что вообще начала считать.

За окном посветлело.

Дождь закончился. По асфальту ещё текли ручьи, но в раз-

рывах между облаками уже проглядывало солнце.

Ну конечно.

Стоило мне добраться до работы мокрой с головы до ног, как погода решила исправиться.

Через несколько минут солнечный свет залил тротуар напротив магазина, заиграл в лужах и добрался до витрины.

Я покосилась на куртку, висевшую в подсобке.

— Издеваетесь, что ли? — пробормотала я.

В этот момент перед магазином остановилась машина. Солнце отразилось от лобового стекла и ударило мне прямо в глаза.

— Ну спасибо, теперь ещё и ослепнуть осталось, — проворчала я, отступая от окна.

Когда солнечный блик исчез, я вернулась к цветам. Вскоре над дверью раздался знакомый звон колокольчика.

— Доброе утро! — сказала я, подняв голову от цветов.

Мужчина остановился.

— Тая?!

Я всмотрелась в его лицо.

— Глеб?!

С ума сойти!

— Вот это встреча! — Он широко улыбнулся. — Ничего себе! Тайка, ты, что ли?

— Нет, другая Тая!

— Да ладно тебе! Сколько лет, сколько зим! — Он подошёл ближе. — Слушай, ты вообще не изменилась!

Ну да. Конечно.

С кое-как собранными волосами, без грамма косметики и после утреннего заплыва под проливным дождём я наверняка выглядела просто великолепно.

А ведь ещё в автобусе я так радовалась, что не успела на-
красить ресницы! Посмотрела на девчонку с размазанной ту-
шью и подумала, что хоть в чём-то мне сегодня повезло.

Теперь эта мысль уже не особенно радовала.

Ну надо же было встретить Глеба именно сегодня! Из всех
возможных дней он выбрал тот, когда я выглядела как мок-
рая ворона.

Хотя нет. Ворона, пожалуй, и то посимпатичнее будет.

— А ты изменился, — сказала я, оглядев его.

И это была правда.

Глеб заметно возмужал, в тёмных волосах на висках по-
явилась седина. Костюм сидел безупречно. Похоже, послед-
ние двадцать лет пошли ему на пользу.

— Надеюсь, в лучшую сторону? — усмехнулся он.

— Определённо в лучшую.

— Ну, тогда не жалею!

Он рассмеялся, и я узнала прежнего Глеба — того самого,
который мог придумать дурацкую шутку и смеяться над ней
громче всех.

— Ты какими судьбами? — спросила я.

— Да вот, за цветами заехал. А тут ты! — Он огляделся.

— Давно здесь работаешь?

— Несколько лет уже.

— Нравится?

— Очень.

— Это хорошо. Слушай, выручай тогда. Мне букет нужен.

— Кому выбираем?

— Жене.

— Ого! Женат, значит?

— А то! Не всё же мне холостяком бегать.

— Ну, мало ли. Тебя раньше трудно было представить женатым.

— Люди меняются, Тайка.

— Как выяснилось, некоторые даже к лучшему.

— А ты? Замужем?

— Да.

— Дети есть?

— Нет.

Я взяла со стола секатор, который оставила после предыдущего букета.

— А у тебя?

— Двое. Сын и дочь.

— Надо же! Большие уже?

— Подростки. Сын вообще скоро меня догонит.

— Ничего себе...

Глеб — отец двоих детей.

Как странно. В моей памяти он до сих пор оставался тем парнем, который мог сорваться среди ночи неизвестно куда,

потому что кому-нибудь из друзей пришла в голову очередная безумная идея.

А теперь у него жена, дети.

— Так что за букет будем собирать? — спросила я.

— А вот это ты мне скажи.

— Какие цветы жена любит?

— Красивые, — невозмутимо ответил он.

— Исчерпывающая информация.

— Ну а что ты хочешь? Я же к профессионалу пришёл.

Спасай, Тайка!

— Ладно уж. Повод какой?

— Да просто так. Давно не дарил.

— Тогда давай что-нибудь нежное. Без огромных красных роз и блестящей упаковки.

— Полностью тебе доверяю.

Я достала несколько роз светлого оттенка, добавила эустому и принялась подбирать зелень.

Глеб наблюдал за мной, облокотившись на прилавок.

— Красиво получается, — заметил он. — У тебя всегда со вкусом всё было хорошо.

— Ну, стараюсь.

— Хотя один раз ты всё-таки промахнулась.

Я подняла глаза.

— Это когда же?

— Когда меня не выбрала.

Он улыбнулся — чуть лукаво, совершенно по-старому.

— Ой, Глеб, скромность тебя, смотрю, с годами так и не настигла!

— А зачем портить то, что и так хорошо?

Мы оба рассмеялись.

— Слушай, — он указал на вазу рядом со мной, — а вот эти беленькие можно добавить?

— Можно, конечно. Только тогда я немного поменяю композицию.

— Меняй. Тебе виднее.

Я взяла ещё пару веточек.

— Ну вот, — сказала наконец, повернув к нему букет. — Как тебе?

— Красота! Я же говорил, что тебе можно доверять.

Я завернула цветы в матовую бумагу, перевязала лентой и протянула ему букет.

— Думаю, жене понравится.

— Даже не сомневаюсь.

Глеб расплатился наличными. Я открыла кассу и начала отсчитывать сдачу, но он уже взял цветы.

— Сдачи не надо, Тайка.

— Глеб, подожди...

— Да брось. Рад был повидаться.

Он улыбнулся и на мгновение задержал на мне взгляд.

— Серьёзно. Ты совсем не изменилась.

Ну и врунишка! Хотя, признаться, слышать такое было приятно.

Глеб всегда умел делать комплименты. Даже когда я прекрасно понимала, что он немного преувеличивает.

— А ты всё такой же, — ответила я.

— Надеюсь, это комплимент!

— Считай, что да.

Он рассмеялся.

— Ладно, побегу. Удачи тебе!

— И тебе.

Колокольчик над дверью весело звякнул ему на прощание.

Я осталась у витрины, наблюдая, как Глеб направляется к машине. Он положил букет на соседнее сиденье, устроился за рулём и завёл двигатель.

Уже собирался уезжать, но вдруг опустил стекло.

Заметив, что я смотрю на него, Глеб широко улыбнулся, приложил два пальца к виску и привычным движением отвёл руку в сторону.

Вот же дурак!

Двадцать лет назад он точно так же прощался со мной. С таким важным видом, будто отдавал честь какому-нибудь генералу.

Я всегда над ним смеялась.

Он махнул рукой, поднял стекло и выехал со стоянки.

Я ещё немного смотрела вслед машине.

Интересно, какая у него жена?

Наверное, повезло ей. Муж успешный, обаятельный, да ещё и цветы покупает просто так, без всякого повода.

Впрочем, откуда мне знать, как у них всё складывается? Двадцать лет не виделись.

Хотя цветы без повода — уже неплохо.

Остаток дня прошёл без особых происшествий.

Куртка и джинсы в подсобке постепенно высыхали, пока я занималась покупателями.

Солнце тем временем разошлось не на шутку. За окном вовсю светило, и только большие лужи напоминали об утреннем потопе.

Ну и ладно. Зато домой сухая поеду.

Около двух часов зазвонил телефон.

— Тай, привет! Ты сегодня работаешь? — услышала я голос подруги.

— Привет. Да, до шести.

— Слушай, давай встретимся вечером? А то всё собираемся и никак.

— Сегодня? — Я глянула на часы. — Ой, не знаю. Я сегодня, честно говоря, никакая. С утра под такой ливень попала, что до сих пор отхожу.

— Ну и что? Посидим где-нибудь, кофе попьем, поболтаем.

— Да я даже не накрашена. Волосы кое-как собрала. Мне бы сегодня домой и спать пораньше.

— Тая, я тебя и без косметики видела. Причём в гораздо худшем состоянии.

Я рассмеялась.

— Спасибо, утешила!

— Всегда пожалуйста. Давай в кафешке возле твоей работы посидим. Я как раз буду в том районе. И потом домой тебя отвезу.

Вот это уже звучало заманчиво.

— Ладно, уговорила. Только захвати мне тушь.

— Зачем?

— Ресницы хотя бы накрашу. А то вообще на человека не похожа.

— Хорошо, принесу. Ещё что-нибудь?

— Нет, остальное уже не спасти.

Подруга рассмеялась.

— Всё, тогда к шести подъеду. Позвоню, когда буду на месте.

— Договорились. До вечера!

Ближе к шести появилась сменщица. Мы обсудили заказы и завтрашнюю поставку, после чего я наконец смогла заняться собой.

Джинсы, к счастью, высохли, а вот куртка местами ещё оставалась влажной. Впрочем, после утреннего приключения это уже казалось сущим пустяком.

С одеждой разобралась быстро, чего нельзя было сказать о причёске.

Я придиричиво осмотрела своё отражение в зеркале. За день волосы высохли и теперь торчали в разные стороны, словно решили жить собственной жизнью.

Распустила пучок, попыталась пригладить непослушные пряди, снова собрала.

Нет, так ещё хуже.

В конце концов оставила волосы распущенными, заправив передние пряди за уши.

Ну вот. Уже вполне прилично.

По крайней мере, на мокрую ворону больше не похожа.

Ладно, сойдёт. Не на конкурс красоты иду.

На улице было удивительно приятно. После утреннего ливня выглянуло солнце, асфальт почти высох, и только у бордюров ещё поблёскивали небольшие лужи.

До кафе, где мы договорились встретиться с Настей, оставалось всего несколько минут пешком.

Когда я вошла, Настя уже сидела за столиком у окна. Заметив меня, она широко улыбнулась и замахала рукой.

Я направилась к ней, на ходу расстёгивая куртку.

— Тушь! — потребовала вместо приветствия.

Настя расхохоталась.

— И тебе привет! Я тоже рада тебя видеть!

— Настя, тушь давай. Обниматься потом будем.

— Господи, Тая! — Она закатила глаза и полезла в сумочку. — Я уже поняла, что ты сегодня без ресниц жить не можешь.

— Ты не представляешь, что у меня за день!

— Судя по тому, как ты на меня налетела, что-то страшное.

— Страшное — это я сейчас. Давай сюда.

Настя протянула мне тушь.

— Держи, красавица.

— Люблю тебя!

— Да-да. Особенно когда тебе что-нибудь нужно.

Я подхватила тушь и направилась в туалет.

Перед зеркалом остановилась, присмотрелась к своему отражению и вздохнула.

Вообще-то всё было не так уж ужасно. Волосы после нескольких попыток привести их в порядок выглядели вполне прилично, одежда высохла. Только лицо какое-то бледное, уставшее.

Я открыла тушь и осторожно прокрасила ресницы. Потом ещё раз прошла щёткой, чуть подкрасив внешние уголки.

Отступила на шаг.

Ну вот. Уже совсем другое дело.

Жить можно.

Вернувшись в зал, я обнаружила, что Настя уже изучает меню.

— О! — воскликнула она, подняв на меня глаза. — А теперь я тебя узнаю!

— Вот! — Я довольно уселась напротив. — А ты говорила, зачем мне тушь.

— Конечно. Без неё я бы тебя даже за столик не пустила.

Настя подвинула ко мне второе меню.

— Ну что, рассказывай. Что у тебя там за день такой?

— Ой, Настя, ты не представляешь! — Я отложила меню.

— Знаешь, кого я сегодня встретила?

— Кого?

— Глеба!

— Какого Глеба?

— Ну Глеба! Помнишь, который за мной раньше ухаживал?

Настя округлила глаза.

— Да ладно! Глеба?!

— Ага! Представляешь, зашёл ко мне сегодня за цветами.

Я чуть не упала, когда его увидела.

— Ну и как он? — Настя подалась вперёд. — Всё такой же?

— Да! Такой же балагур. Как рот открыл, так будто двадцати лет и не было. Только возмужал, конечно. Костюм, машина... Видно, что неплохо устроился.

— Ну надо же! А я его сто лет не видела. Он вообще в городе живёт?

— Понятия не имею. Мы же буквально минут пять поболтали. Он жене букет покупал.

— Женат, значит?

— Женат. И двое детей у него. Сын и дочь.

— Ничего себе! А ведь помнишь, какой он раньше был? Вечно куда-то нёсся, какие-то идеи у него дурацкие... На том турслёте, помнишь, с гитарой носился? Половину песен

не знал, зато громче всех пел!

— Ещё бы не помнить! — Я рассмеялась. — Он тогда чуть весь лагерь на уши не поставил.

— А Тимофей рядом с ним таким серьёзным казался!

— Да уж... Вообще не представляла Глеба семейным человеком.

— А теперь, смотри-ка, семья, дети, при деньгах...

Настя покачала головой.

— Слушай, Тай, а ведь если бы ты тогда его выбрала, может, сейчас на месте его жены была бы ты.

Я усмехнулась.

— Ой, Настя, ну началось!

— А что? Вполне возможно.

— Возможно. Только кто ж теперь знает?

Я потянулась за меню.

— Давай лучше решим, что есть будем. Я с утра толком ничего не ела.

— Подожди, я ещё не всё спросила! — засмеялась Настя.

— А он тебя хоть узнал?

— Ещё как! С порога: «Тайка, ты вообще не изменилась!»

— Ну вот видишь!

— Ага. Особенно сегодня. Ты бы меня видела до того, как я твоей тушью воспользовалась.

— Ну всё, теперь понятно, почему тебе так срочно понадобилась косметика!

— Да не поэтому! Я вообще не знала, что его встречу!

— Конечно-конечно.

— Настя!

К нам подошла официантка, и мы наконец сделали заказ.

Когда она отошла, Настя размешала сахар в кофе, который успела заказать до моего прихода.

— А Тимофей как?

Я пожала плечами.

— Да как обычно.

— Всё так же?

— Угу.

— Тай...

— Насть, ну что я тебе расскажу? Ничего нового.

Я отодвинула меню к краю стола.

— Сегодня опять еле растолкала. На работу чуть сама не опоздала, пока с ним возилась. Всё как всегда.

Настя вздохнула.

— И сколько ещё так будет продолжаться?

— Не знаю.

— Ты же понимаешь, что...

— Понимаю, Насть. Всё я понимаю.

Я сказала это чуть резче, чем собиралась.

Настя посмотрела на меня, но продолжать не стала.

Несколько секунд мы молчали.

— Слушай, лучше Расскажи, как у тебя дела, — сказала я.

— Ты же там куда-то на собеседование собиралась. Сходила?

— Ой, сходила! — Настя оживилась. — Ты сейчас обхо-

хочешь.

Она принялась рассказывать, как её пригласили на должность руководителя отдела, а на собеседовании выяснилось, что под словом «отдел» работодатель подразумевал её саму и девочку, которая выходила на работу два раза в неделю.

— И знаешь, какая у них была главная претензия? — возмущалась Настя. — Что я слишком много хочу!

— В смысле денег?

— Конечно! Причём обязанностей там на троих, а зарплата такая, будто я им ещё и должна останусь.

— И что ты ответила?

— Сказала, что, к сожалению, не могу позволить себе работать у них за такое удовольствие.

Я расхохоталась.

— Ну ты даёшь!

— А что? Я себя не на помойке нашла. У меня и на нынешней работе всё нормально. Это они меня переманить пытались!

— Ну и правильно. Пусть ищут другого руководителя целого отдела из полутора человек.

Настя довольно улыбнулась.

— Вот именно!

Принесли наш заказ, и мы наконец занялись едой.

За разговорами время пролетело незаметно. Мы обсуждали Настину работу, общих знакомых, какие-то старые истории, над которыми до сих пор умудрялись смеяться.

Несколько раз собирались уходить, но обязательно вспоминали что-нибудь ещё.

Домой я добралась уже около десяти вечера.

Вот тебе и лечь сегодня пораньше!

Хотя вечер получился хороший. Давно мы с Настей вот так не сидели.

Когда я вернулась домой, Тимофея не было.

Звонить и выяснять, где он, совершенно не хотелось. Я приняла душ и легла спать.

Завтра у меня выходной. Хоть высплюсь наконец.

Утром меня разбудило солнце, пробивавшееся сквозь неплотно задёрнутые шторы.

Я с удовольствием потянулась. Никуда не нужно было спешить, никого будить, ни за кем следить. Можно хотя бы сегодня немного поваляться в постели.

На телефоне было половина десятого.

Ничего себе поспала!

Я повернулась на другой бок и только тогда заметила Тимофея.

Он лежал поверх одеяла, всё в той же одежде, в которой, судя по всему, вернулся ночью. Одна рука свесилась с кровати, ботинки валялись на полу.

Я уже собиралась отвернуться, когда до меня дошло.

Половина десятого?!

— Тимофей!

Он даже не пошевелился.

— Тимофей, вставай! Ты на часы смотрел?!

Я потрясла его за плечо.

— Тебе давно на работе быть надо!

— Отстань, — пробормотал он, не открывая глаз.

— Какое отстань?! Уже половина десятого!

Он поморщился и натянул на голову одеяло.

— Ты издеваешься?! Тебя же предупреждали! Ты что, совсем без работы остаться хочешь?

— Да успокойся ты наконец!

Тимофей резко сел, тут же схватившись за голову.

— Господи, башка сейчас лопнет...

— А ты меньше пей! Вставай давай!

— Да не надо мне никуда!

— Что значит не надо?

— То и значит.

Он потёр виски.

— Уволили меня.

— Что?

— Уволили, говорю.

— Когда?

— Вчера.

— Как вчера? — Я устала на него. — Ты же на работу ушёл!

— Ушёл. Только опоздал. Бригадир сказал, что с него хватит.

— И ты мне ничего не сказал?!

Тимофей пожал плечами.

— А что бы изменилось?

— Как это — что бы изменилось?!

— Ну начала бы ты вчера орать, и всё.

— Я?!

Он поморщился.

— Тай, ну не начинай с утра.

— Не начинай?! Тимофей, я тебя вчера полчаса с кровати поднимала! Сама чуть на работу не опоздала! Ты мне обещал, что больше такого не будет!

— Ну не полчаса...

— Ах, не полчаса?! Это единственное, что тебя сейчас волнует? Сколько минут я тебя будила?!

— А чего ты от меня хочешь? — Он наконец поднял голову. — Уволили и уволили. Другую найду.

— Какую другую, Тимофей? Это уже какая по счёту?!

— Найду, говорю.

— Конечно! Как всегда! Сначала найдёшь, потом опять начнёшь пить, опаздывать, а потом тебя снова уволят!

— Да хватит уже!

Он поднялся с кровати и направился в ванную.

— Я с тобой разговариваю!

— А я не хочу сейчас разговаривать!

Дверь захлопнулась.

Вчера я потратила столько сил, чтобы поднять его с постели и отправить на работу. Сама чуть не опоздала, а потом

ещё попала под ливень.

И ради чего?

А он всё равно опоздал. И его уволили.

А вечером он даже словом не обмолвился об этом. Просто ушёл куда-то, вернулся ночью и завалился спать как ни в чём не бывало.

Возле кровати по-прежнему валялся ботинок. Я машинально подняла его, собираясь поставить на место.

И остановилась.

А зачем?

Положила обратно.

Я опустилась на край кровати.

Вчера Настя спрашивала, сколько ещё всё это будет продолжаться.

Я тогда не нашлась, что ответить.

А сейчас перед глазами промелькнули все эти годы: очередные увольнения, долги, обещания, короткие периоды затишья, после которых всё начиналось сначала.

И каждый раз я надеялась, что уж теперь-то он возьмётся за ум.

Сколько можно?

Из ванной донёсся голос Тимофея:

— Тай, ты там успокоилась?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Тимофей, я хочу развестись.

За дверью что-то глухо стукнуло, будто он уронил флакон

на пол.

— Чего?

— Развестись, — повторила я.

Он выглянул из ванной.

— Тай, ты серьёзно сейчас?

— Да.

— Из-за работы?

— Нет, Тимофей. Не из-за работы.

Он смотрел на меня, ожидая продолжения.

Но мне больше нечего было добавить..